Литературная страница

Стихи Генриха РОГОЗИНА

ОСЕНЬ

Катилась осень по задворкам
на опустевшее гумно,
и плотник громко ладил горку,
а бабы делали вино.
И от рябин веселых листья
метались, опаляя все,
и даже кадки пахли кисло
цветам увянувшим назло.
И остро птицы понимали,
что перемен не миновать,
и улетали, улетали,
как дети, бросившие мать.

СЛОВО О ЛЕНИНЕ

Шагает век по тропам поколений,
и в сущности от века не уйти.
Не потому, что, ободрав колени,
мы с ним брели по трудному пути.
Не потому, что каменной легендой
былая жизнь в грядущую вошла
и под ногами славных монументов
Россия и дышала и жила.
Когда б мы лишь цветочки поливали
и опускали на гранит венки,
мы б лгали им,
мы б безнадежно лгали
им, чьи заслуги были велики.
Но мы приметно обновили землю,
вместив в сердца особенный настрой.
От взрывов мирных небо не задремлет —
по всей стране встает Магнитострой.
И через шепот нищенских томлений
тех одиночек-гениев на час
сегодня рядом, как и прежде, Ленин
с прищуром добрых по-отцовски глаз.
И суть не в том, что он — на пьедестале
среди асфальтов и крещенских зим:
он в мировом пространстве,
как в кристалле,
просвечен веком и воспринят им.
Мы знаем — да и я, и каждый в свете —
кому он на земле принадлежит.
И как отцы живут незримо в детях,
так Ленин продолжает в людях жить.

МУДРОСТЬ РУК

Так велось — да и еще ведется —
крестят лбы, а стоило б крестить
руки Глинки, руки Песталоцци,
руки рудокопов крепостных.
Руки тех, кто брал свое начало
с каторжан, с демидовских рабов,
чья судьба отвергнуто стучала
в белый свет столиц и городов.
...Есть поселок по прозванью — Горка,
он и впрямь врубился в камень скал.
Жили разно люди: жгли махорку,
пили водку, грели самовар.
И однако ж не десятым чувством
понимали складность перемен.
Доброе горняцкое искусство
стало выше прокопченных стен.
Я — за мастерство иконописцев,
скульпторов, ваятелей дворцов...
Но на этих кручах каменистых
творчество совсем иных творцов.
Их руками вырублены в скалах
чаши, где весной бурлит вода,
где зимой со снежных пъедесталов
падает железная руда.
В мире все могло бы стать иначе,
может, обеднял бы тыщу раз,
если бы однажды был утрачен
рудотворец, а не богомаз.
Но покуда есть поселок Горка,
Он и впрямь врубился в камень скал.
Люд работный — Ванька да Егорка
дорогие клады отыскал.
Оттого не с колокольным звоном
горделивый рушится гранит.
...Мудрость рук, всегда была законом
статуй, рудников и пирамид.

У иного жизни не хватает
на любовь. Но как ни говори,
в каждом сердце снег пушистый тает,
огоньками скачут снегири.
В каждом сердце ледяным ухмылкам
и январским стужам вопреки
прорастают теплые былинки,
теплых рек расходятся круги.
Люди любят... Это пробужденье,
это пробужденье дней и сил,
это неуемное движенье
каждый хоть когда-нибудь носил.
Я не спорю — жизни не хватает
для больших, для совершенных дел.
А любовь — она почти такая ж,
той же завершенности предел.
Но и все же, может быть, до срока
чаще греет в слякоть и мороз
чувство, что сродни журчанью сока
в листьях завороженных берез.

Адрес на визитной карточке

(ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА В КУЙБЫШЕВСКОМ АРХИВЕ)

Навстречу 100-летию со дня рождения В. И. Ленина

В августе прошлого года ничем не примечательный старый домик по улице Красноармейской в Куйбышеве совершенно неожиданно оказался в центре внимания общественности. Активисты историко-архитектурной секции Куйбышевского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, обследовавшие интерьеры старинных зданий, узнали от жильцов этого дома, что на чердаке давно лежат какие-то бумаги. Об этом было сообщено в областной государственный архив. Его сотрудникам пришлось с помощью лопат буквально откапывать из-под многолетней чердачной пыли пачки документов и отдельные листы бумаги. Как оказалось позднее, на чердаке была сложена часть архива самарского присяжного поверенного Григория Александровича Клеменца, которому когда-то принадлежал дом на Красноармейской улице.

Г. А. Клеменц (1846—1932) принадлежал к прогрессивной части самарской интеллигенции 70—90-х годов прошлого столетия. Он был близко знаком с Софьей Перовской и привлекался по делу 1 марта 1881 года. М. И. Семенов (Блан) в своих воспоминаниях пишет, что в Самаре в 1887 году из старых народников жили В. В. Филадельфов, Е. Е. Лазарев и Г. А. Клеменц. Из обнаруженных недавно новых документов видно, что в том же 1887 году Г. А. Клеменц вошел в революционный кружок, образовавшийся вокруг высланных в Самару из Петербурга М. Т. Елизарова, близкого товарища казненного Александра Ульянова, впоследствии мужа Александры Ильиничны Ульяновой, и И. Н. Чеботарева. Среди кружковцев, насчитывавших 16 человек, была Евдокия Цитович, приехавшая в Самару из Сибири с рекомендательным письмом известного народника Дмитрия Александровича Клеменца, брата Григория Александровича. Созданный Елизаровым и Чеботаревым революционный кружок не раз собирался в доме Г. А. Клеменца на Алексеевской улице, то есть в том самом доме на Красноармейской, на чердаке которого был найден архив. Посещал собрания кружковцев и А. П. Скляренко.

Полиция неотступно следила за домом Клеменца.

Летом 1892 года Г. А. Клеменц познакомился в ресторане Корнилова на Алексеевской площади (теперь площадь Революции) с новым помощником присяжного поверенного А. Н. Хардина молодым юристом Владимиром Ильичем Ульяновым. Описывая эту встречу в газете «Волжская Коммуна» (Самара) от 23 апреля 1924 года, Г. А. Клеменц так заканчивает свои воспоминания:

«Он (Владимир Ильич — В. А.), подавая мне руку, спросил:

— Вы позволите мне побывать у вас?

— Конечно, буду очень рад. После 6 часов вечера я всегда бываю дома. Вот мой адрес.

Я хотел достать из бумажника мою карточку, но Владимир Ильич предупредил меня:

— Не беспокойтесь, у меня уже есть ваш адрес...

Я тут же ушел в суд, а возвратясь домой, получил телеграмму, по которой в этот же вечер уехал на пароходе из города. Возвратясь через четыре дня домой, я от своих домашних узнал, что без меня как-то вечером приходил какой-то незнакомый молодой человек, судя по описанию, похожий на Владимира Ильича».

Найденный архив приобретал большой интерес. Кроме того, в нем, как сообщалось в газете «Волжская Коммуна», находились документы, в которых упоминался А. Н. Хардин. А нет ли в этом архиве также документов с упоминанием помощника А. Н. Хардина — В. И. Ульянова?

Я попросил директора Государственного архива по Куйбышевской области Эльвиру Сергеевну Шарикову разрешить мне помочь работникам архива разбирать бумаги Г. А. Клеменца.

...Передо мной четыре папки. Но, к сожалению, в них лишь разрозненные листы различных «дел», мятые, полуистлевшие, разорванные. И все же по ним можно установить, что это все гражданские дела — иски по неоплаченным долгам, введение в наследство, изыскание денег по векселям... Здесь же судебные повестки, извещения, письма и телеграммы клиентов, родных, знакомых, охватывающие двенадцатилетний период, начиная с 1875 года.

Просмотрены все четыре папки. Луиза Вячеславовна Пенина, заведующая читальным залом архива, приносит пятую. «Здесь одни клочки, — говорит она, — вряд ли что можно прочесть». И действительно: обрывки истлевших листов, половинки и четвертушки писем, телеграмм, и все это покрыто еще чердачной пылью. Да, вряд ли здесь что-нибудь найдешь. Все же решил перебрать остатки документов. По датам можно было определить, что они относились к 1889—1894 годам.

Так и есть, ничего интересного не обнаружилось. Я осторожно укладываю пыльные клочки в папку, и тут мой взгляд приковывает к себе выпавшая из них измятая визитная карточка:

ЛУКА НИКИТИЧЪ ЯСЕНКОВЪ

Я беру ее в руки, машинально перевертываю и на обороте читаю адрес, написанный когда-то черными, теперь выцветшими от времени чернилами:

«Уголъ Почтовой и Сокольничьей улицъ, домъ Рытикова».

Чем-то близким повеяло от этого адреса. Я сразу не мог сообразить. Но тут же, словно молния, пронеслась мысль: да это самарский адрес Ульяновых!

Кто же такой Лука Никитич Ясенков?

Ответ дал справочник «Вся Самара на 1900 год». Л. Н. Ясенков был самарским купцом и домовладельцем. Ему принадлежал дом на Дворянской улице (улица Куйбышева) рядом с немецкой кирхой. (Теперь в нем магазин детского питания, тогда этот дом был двухэтажный, третий этаж был надстроен в девятисотых годах нашего столетия).

Как же попала к Г. А. Клеменцу визитная карточка купца Ясенкова с адресом В. И. Ульянова? Точно ответить на этот вопрос трудно, так как, к сожалению, больше никаких бумаг, связанных с Ясенковым, в архиве Клеменца не обнаружено. Можно предположить следующее.

Как известно, Владимир Ильич, записавшись в январе 1892 года помощником присяжного поверенного к адвокату А. Н. Хардину, в марте-июле того же года выступал семь раз защитником по уголовным делам по назначению суда. Однако такие выступления по назначению не вполне удовлетворяли Владимира Ильича. Поэтому еще в марте он подал в Самарский окружной суд прошение о выдаче ему свидетельства на право выступать в качестве адвоката по гражданским делам. В июле В. И. Ленин уехал из Самары в Алакаевку. В его отсутствие Самарский окружной суд вынес постановление о выдаче ему просимого свидетельства, о чем и было сообщено в самарских газетах.

И вот в августе или начале сентября (Владимир Ильич приехал из Алакаевки 8 сентября, а 15 сентября возобновил свои выступления в качестве защитника по уголовным делам) у купца Л. Н. Ясенкова возникла необходимость обратиться к адвокату по какому-то гражданскому делу. Видимо, кто-то в канцелярии суда (а может быть, и сам А. Н. Хардин) рекомендовал Ясенкову нового адвоката В. И. Ульянова. Л. Н. Ясенков записал его адрес на своей визитной карточке. Но, приехав на Сокольничью улицу, Ясенков не застал В. И. Ульянова в городе. Тогда он зашел к жившему поблизости присяжному поверенному Г. А. Клеменцу. Чем у них кончился разговор, неизвестно, но визитная карточка Л. Н. Ясенкова с адресом Владимира Ильича осталась у Клеменца.

Как бы то ни было, эта визитная карточка представляет собой интерес. Она свидетельствует о том, что новый адвокат завоевывал популярность в Самаре. Пусть очень маленький, но это все-таки штрих к портрету молодого Владимира Ильича.

В. АРНОЛЬД.

Журнал «Волга» № 5, 1967 г.